

JEL classification: N54, P25, P32

УДК 338.43.02(571.6)(091)

DOI 10.17150/2308-2488.2025.26(1).94-122

Г.А. Ткачева

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
г. Владивосток, Российская Федерация*

Мобилизационная модель аграрной политики на Дальнем Востоке СССР в 1920-е гг.

Аннотация. С использованием новой источниковой базы проанализированы основные направления реализации аграрной политики на советском Дальнем Востоке в 1920-х гг. Выявлено, что земельно-распределительные отношения советского общества регулировались административно-командной системой управления в рамках организационных, инфраструктурных и производственных преобразований. Многоукладное аграрное производство определялось дифференциацией производственно-хозяйственных, жизненно-бытовых условий, традиций и предпочтений дальневосточных аграрных товаропроизводителей. Установлено, что неустойчивость цен на сельскохозяйственную продукцию влияла на материально-техническое обеспечение сельскохозяйственных производителей, земельная и налоговая политика стали основными рычагами институционального воздействия на дальневосточную деревню. На восточных окраинах СССР формировалась аграрная территориально-производственная структура советской социально-экономической системы.

Ключевые слова. Дальний Восток, модернизация, аграрная политика, производственная инфраструктура, социальный состав крестьянства, налоговая система.

Информация о статье. Дата поступления 29 января 2025 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2025 г.; дата онлайн-размещения 17 марта 2025 г.

G.A. Tkacheva

*Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, the Russian Federation*

The Mobilization Model of Agrarian Policy in the Soviet Far East in the 1920s

Abstract. This study analyzes the main directions of agrarian policy implementation in the Soviet Far East during the 1920s, based on newly available sources. It has been established that land distribution relations in Soviet society were regulated by an administrative-command system within the framework of organizational, infra-structural, and production transformations. The diversified agrarian economy was shaped by the differentiation of production and economic conditions, living standards, traditions, and preferences of Far Eastern agricultural producers. The study reveals that price instability in the agricultural sector affected the material and technical supply of farmers, while land and tax policies served as key institutional mechanisms influencing rural life in the region. As a result, an agrarian territorial-production structure emerged on the eastern periphery of the USSR, integrated into the Soviet socio-economic system.

Keywords. Far East, modernization, agrarian policy, production infrastructure, social composition of the peasantry, tax system.

Article info. Received January 29, 2025; accepted February 25, 2025; available online March 17, 2025.

Знакомство с историографией по аграрной истории дальневосточного региона позволило определить, что исследования по данному направлению активно велись до начала 2000-х гг. и в дальнейшем практически исчезли из научного дискурса. В опубликованных работах выделяются основные аспекты, характеризующие социально-экономическую ситуацию, процесс коллективизации и колхозное строительство

на Дальнем Востоке СССР [1, с. 11, 13]. Дальневосточные специалисты Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина [2; 3], С.М. Стасюкевич [4] акцентировали внимание на социально-экономических изменениях доколхозной деревни в южных административно-территориальных районах Дальневосточного края, констатировали применение советско-партийными структурами репрессивных мер при становлении социалистических форм хозяйствования

Исходя из степени изученности проблемы, в статье с использованием новых делопроизводственных материалов и статистических данных, определяются направления модернизации аграрного сектора, изменения численности и состава сельских товаропроизводителей, объемы производства основных сельскохозяйственных культур в административно-территориальных границах Дальневосточной области / Дальневосточного края 1922–1929 гг.

Основы аграрной политики РСФСР / СССР в 1920-е гг. были определены нормативно-законодательными актами, регулировавшими земельно-распределительные отношения советского общества в рамках организационных, инфраструктурных и производственных преобразований. Съезд советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (9 ноября) 1917 г. отменил частную собственность на землю, которая «...отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся, ...распределяется по трудовой или потребительской норме, ...подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства, ...формы пользования землей совершенно свободны...»¹.

Все последующие изменения в распределении и использовании земельных ресурсов обосновывались,

¹ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 17, 18, 19.

отталкиваясь от их определения как национального (народного) достояния, обеспечивавшего безопасность советского государства. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. определил, что все земли составляют единый государственный земельный фонд, из состава которого для использования трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям земля предоставляется бессрочно (изъятие особо оговаривалось), их правовое и хозяйственное положение регистрируется². Управленческой структурой аграрного сектора оставались республиканские наркоматы, которые сохранили свои полномочия и после образования в 1929 г. общесоюзного Народного комиссариата земледелия.

Территории Дальнего Востока вошли в состав РСФСР по решению Народного собрания Дальневосточной республики в ноябре 1922 г., законодательно оформлены постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 25 июля 1923 г. как Дальневосточная область, которую 4 января 1926 г. преобразовали в Дальневосточный край с 9 округами (Читинский, Сретенский, Зейский, Амурский, Хабаровский, Николаевский-на-Амуре, Владивостокский, Камчатский, Сахалинский). Последующие административные преобразования 1930-х гг. не только изменили территориальную конфигурацию восточных окраин СССР и систему управления на региональном уровне, но и обоснование основных направлений модернизации аграрного сектора³.

Дальневосточный регион относился к смешанному типу аграрно-индустриального и индустриально-аграрного развития, что и определило социальный состав сельского населения, который формировался

² Земельный кодекс РСФСР : утв. 4-й Сессией ВЦИК 30 окт. 1922 г. Тюмень, 1922. С. 7-11, 51.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1228. Оп.1. Д. 68. Л. 64-69; Ф.137. Оп. 23. Д. 50. Л. 51; Д.73. Л. 2; Ф. П-2. Д. 768. Л. 401, 402.

за счет миграционных потоков. С 1799 по 1920 г. в регион переселилось 530,8 тыс., выбыло 103,1 тыс. чел. и на момент переписи 1926 г. в административных границах округов проживали 1 790,6 тыс. чел.⁴ Численность сельских жителей региона увеличилась в 2,3 раза, в южных округах (Амурский, Хабаровский, Владивостокский) — более чем в 4 раза по отношению к 1897 г. и составила 1 408,9 тыс., из них 1 228,7 тыс. чел. занимались сельским хозяйством, а 180,2 тыс. — были заняты в других отраслях, в том числе 28 % в промышленности, 22 % — на транспорте, 17,7 % — в учреждениях, 10 % — в торговле. Среди 679,1 тыс. чел. самостоятельного сельского населения 17,7 тыс. определялись как рабочие, 0,7 тыс. — служащие, 9,2 тыс. — хозяева с наемными рабочими и 186 тыс. — с членами семьи, 25,2 тыс. — одиночки и 440,3 тыс. — члены семьи, помогающие в хозяйстве⁵.

Дальневосточный край площадью 2570,3 тыс. км² имел всего 645,9 тыс. км² обжитой территории (25,1 % с плотностью 0,75 чел. на один км²) с разной степенью освоения по административно-территориальным единицам. В промышленном и сельскохозяйственном отношении наиболее освоенными являлись Владивостокский — 89,2 % с плотностью населения 7 чел., Читинский — 60,4 % (2,44 чел.), Сретенский — 56,3 % (1,95 чел.), Амурский — 40,1 % (1,72 чел.), Зейский — 36,5 % (0,28 чел.), Хабаровский — 23,1 % (0,92 чел.) округа⁶.

В сельскохозяйственном отношении была обследована половина, но подробной съемкой — не более 10 % земель, из них 1/3 часть находится в северной

⁴ ГАХК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 11. Л. 9; Д. 37. Л. 3 (подсчит. авт.).

⁵ Дальневосточный край в цифрах : справочник. Хабаровск : Кн. дело, 1929. С. 35, 36, 43; Сельское хозяйство СССР 1925–1928 : сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М. : Стат изд-во ЦСУ СССР, 1929. С. 9, 14 (подсчит. авт.).

⁶ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 113. Л. 24; Дальневосточный край в цифрах : справочник. Хабаровск : Кн. дело, 1929. С. 34 (подсчит. авт.).

зоне, непригодной для земледелия. По данным Наркомзема РСФСР, в 1927 г. на Дальнем Востоке имелось 15,7 млн га земель сельскохозяйственного назначения, включая 15,66 млн га — общинного землепользования, 20,1 тыс. га — коллективного (товарищества), 6,8 тыс. — хуторского, 3,6 тыс. га — отрубного⁷. Земельные угодья основных сельскохозяйственных районов (без Камчатки и Сахалина) составляли свыше 10 млн га, включая 2,3 млн га пахотной (только 1,4 млн мягкой), 2,5 млн га — сенокосов (1 813 тыс. — болотных и затопленных, 680,8 — суходольных), 2,8 млн — пастбищ и 882,9 тыс. — выгонов⁸.

Большая часть территории Дальневосточного края состояла из лесных массивов, заболоченных пространств, требующих проведения гидротехнических, мелиоративных мероприятий. Свободных для освоения пространств практически не имелось и по самым общим расчетам комиссий Наркомата земледелия требовалось добавить к земельному фонду 923 тыс. га (20–60 % покрытых лесом), мелиорировать 1,8 млн га (осушить не менее 400 тыс. и оросить 200 тыс., защитить от наводнений более 1 млн га) дальневосточных земель⁹.

Статистические данные свидетельствуют, что пахотная площадь земель Дальневосточного края в административно-территориальных единицах 1920-х гг. увеличилась незначительно, основными сельскохозяйственными районами были Амурский округ, имевший 56–58 % удобной земли и Владивостокский округ — 31–29 % региона (табл. 1).

⁷ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 43. Л. 7, 8; Итоги десятилетия советской власти в цифрах 1917–1927. М. : Центр. стат. управление СССР, 1927. С. 120–121.

⁸ ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 59; Материалы к плану развития народного хозяйства и социально-культурного строительства ДВ края во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Хабаровск : Дальгиз, 1932. С. 128.

⁹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 183. Л. 41; Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 61.

Таблица 1

Пахотная площадь земель в Дальневосточном регионе,
1917–1929 гг. (тыс. га)

Годы	ДВО/ ДВК	Округа					
		Зейский	Амурский	Хабаровский	Владивостокский	Николаевский	Сахалинский
1917	1 142,5	74,6	642,8	66,9	353,1	1,5	3,6
1923	981,1	50,0	560,5	49,8	320,3	0,5	н/с
1926	953,6	61,9	531,6	18,3	341,3	0,5	н/с
1927	1 220,3	н/с	792,4	62,4	350,6	0,6	3,4
1928	1 284,6	95,0	723,0	65,8	400,8	н/с	н/с
1929	1 357,7	111,0	780,9	67,1	398,7	н/с	н/с

Источник: ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 173. Л. 23.

Обеспеченность сельскохозяйственных производителей земельными наделами и скотом по территориальным образованиям восточных окраин РСФСР имела значительные различия, свидетельствуя о социальном расслоении дальневосточной деревни. По данным переписи 1923 г. в сельской местности Приморской губернии (условно, территория Владивостокского, Хабаровского округов) имелось 697,4 тыс. хозяйств с численностью 374 тыс. чел. (196,4 тыс. мужчин и 177,6 тыс. женщин), из них 175,1 тыс. — трудоспособных (46,8 %). Из 81,7 тыс. единоличных хозяйств крестьянского типа считались старожильческими — 10,9 тыс., переселенческими — 66,7 тыс. и остальные — прочие. Они засевали приблизительно 266,4 тыс. дес. земли (в среднем на одно хозяйство 4 дес.) и имели 117 тыс. лошадей, 194,4 тыс. голов крупного рогатого скота, 26,6 тыс. овец, 230,2 тыс. свиней, 30 тыс. плугов, 6 тыс. сох, 6,6 тыс. жнеек, 1,7 тыс. сенокосилок, 2,7 тыс. молотилок, 4,3 тыс. зерноочистителей, 59,6 тыс. кос, 73,3 тыс. серпов, 170 меха-

нических двигателей, 41,6 тыс. саней, 37,1 тыс. телег на деревянном и 17,5 тыс. — на железном ходу, 2,5 тыс. лодок. При этом 22 % хозяйств не имели рабочего скота, 20 % — инвентаря, 47 % — пахотных орудий, свыше 4 тыс. использовали наемный труд¹⁰.

Вопрос о наличии земельных площадей у дальневосточных аграриев приобретает особое значение не только для определения налоговых отчислений, но и обеспечения безземельных, создания резервного фонда для переселенцев. Переделы земли на Дальнем Востоке не проводили много лет и земельные излишки только в казачьих селениях Амурской губернии составляли 30 % земельной площади, в Приморской — 170 тыс. дес. Из всей подлежащей устройству земли было обмежевано в Забайкалье 92,7 %, в Амурской 53,7 %, Приморской 29,1 % площади. Изъятие 1,6 млн дес. позволили обеспечить 7 тыс. безземельных и малоземельных хозяйств, но зажиточные группы продолжали удерживать большие и лучшие земельные участки. В результате землеустройства соотношение форм землепользования изменилось: к 1929 общинное сократилось до 90–92 %, хуторское — до 1 %, коллективное увеличилось до 7–9 % и в дальнейшем не проводилось [3, с. 42, 53; 5, с. 86, 89].

За счет дробления старожильческих дворов, образования новых из переселенцев центральных районов СССР и иммигрантов, к 1927 г. в регионе количество крестьянских хозяйств и их численность увеличились в 1,4 раза. Посевные площади остались на уровне 1916 г., но изменились по видовой направленности: увеличились посевы ржи, риса, подсолнечника, кукурузы, конопли, бобовых, картофеля, бахчевых и огородных культур. При незначительном росте числа лошадей и крупного рогатого скота в индивидуальных хозяйствах, возросло количество мелкого скота, свиней, птицы (табл. 2).

¹⁰ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 26. Оп. 35. Д. 1085. Л. 3, 9, 12.

Таблица 2

**Сельскохозяйственное производство
в административных границах Дальневосточного края
1920-х гг. (без поправок на недоучет)**

Показатели	Годы					
	1916	1923	1924	1925	1926	1927
Количество хозяйств, тыс.	166,6	198,5	199,1	203,2	216,5	231,3
Численность, тыс. чел.	932,9	1 109,4	1 154,4	1 211,6	1 275,6	1 345,4
Посевные площади, тыс. га, в том числе	1 194,5	831,2	774,4	854,7	999,6	1 136,4
рожь	128,2	135,1	176,0	211,8	231,8	225,7
пшеница	458,6	288,6	202,0	223,0	266,6	356,7
бобовые	11,5	7,6	8,0	18,5	28,0	34,6
картофель	27,2	21,5	23,2	27,2	28,1	31,7
бахчевые и огородные	27,2	21,5	23,2	27,2	28,1	31,7
посевные травы	21,3	10,7	7,3	8,2	19,9	20,4
Скот, тыс. голов, в том числе	2 883,1	2 196,5	2 568,7	2 826,7	3 145,7	3 453,42
лошади	598,9	501,7	533,8	546,8	574,3	594,4
крупный рогатый скот	977,8	822,3	905,2	948,3	1 014,5	1 081,9
овцы	618	491,7	635,7	720,5	857,6	949,7
козы	123,6	99,3	120,2	154,2	190,7	218,3
свиньи	261,7	280,6	372,9	456,6	507,9	608,0
верблюды	2,9	0,9	0,9	0,3	0,7	1,1
Птица, тыс. шт.	н/с	н/с	1 217,8	1 423,2	1 526,8	1 743,8

Источник: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 г. и 1923–1927 гг. М. : Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1930. С. 4, 5, 20, 21, 39, 105, 161 (сост. авт.).

У индивидуальных сельскохозяйственных производителей Владивостокского округа посевная площадь возросла с 253,4 тыс. га в 1923 г. до 292,9 тыс. га в 1927 г. прежде всего за счет двукратного увеличения обрабатываемой земли иммигрантами из сопредельных государств (с 30,3 тыс. до 62,4 тыс. га). Если за этот период

среднее количество посевной площади на одно хозяйство у восточных иммигрантов увеличилось с 1,8 га до 2,6 га, то у русскоязычных — уменьшилось с 5,2 га, до 5,1 га. Необходимо отметить, что иммигранты из Кореи и Китая использовали традиционные методы азиатского типа сельскохозяйственного производства, уделяя основное внимание чимизе, пайзе, рису, кукурузе (74,7–97,4 % посевных площадей), бобам (55,5 %), выращивали картофель (19,2–23,9 %), просо (13,3–21,2 %), овес (4,4–6,8 %) и овощные культуры для личного потребления¹¹.

Посевная площадь у переселенцев после года проживания составляла в Хабаровском округе 0,3 дес., Владивостокском — 1, Амурском округе — 3 дес. на хозяйство, при среднекраевом показателе в 2,2 дес. на хозяйство; после второго года соответственно 1,1 : 2,1 : 4,6 : 3,4 дес.; после третьего года в Хабаровском округе показатели не изменились, во Владивостокском — уменьшились до 1,8 дес., в Амурском округе — возросли до 5,4, увеличились и среднекраевые до 4 дес. на семью¹².

Изменения в распределении хозяйств по посевам и рабочим скотом находились в тесной связи с изменениями социальной мобильности дальневосточного крестьянства между отдельными группами хозяйств. Расчеты выборочных обследований статистического управления позволили определить, что с 1917 по 1925 г. в административных границах Дальневосточной области количество хозяйств с высокой доходностью уменьшилось приблизительно с 34,5 % до 15,3 % и увеличилось со средней — с 22,4 % до 28,4 %, малой — 13,1 % до 20,1 % и низкой — с 30,1 % до 36,2 % [6, с. 50–52].

¹¹ Народное хозяйство Владивостокского округа Дальневосточного края в 1926-27 году / Владивостокская окружная плановая комиссия. Владивосток : Изд. Владивосток. окрплана, 1928. С. 9, 17.

¹² ГАХК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 11. Л. 12, 21.

В условиях Дальневосточного края, самоснабжающееся хозяйство из 5,5 чел. должно иметь не менее трех десятин посевов продовольственных и кормовых культур (десятина равна 1,09 га), но в 1926 г. 8,1 % крестьянских хозяйств не имели или имели 0,1 дес. посевов, 13,6 % — до 2 дес., 14,4 % — до 3 дес., 12 % — до 4 дес., 16 % — до 6 дес., 8,4 % — до 8 дес., 4,6 % — до 10 дес., 4,6 % — до 16 дес. и 1,3 % — свыше. Обеспеченность скотом дальневосточной деревни была минимальной: 14,7 % хозяйств не имели рабочего скота и 19 % — коров, по одной голове — соответственно 27,7 % и 35,6 %, по две — 28,5 % и 23,5 %, по три — 14,5 % и 9,9 %, по четыре и более — 14,6 и 12 %. Увеличение количества скота в Читинском, Сретенском, Зейском, Николаевском округах происходило быстрее роста посевных площадей, в Амурском, Хабаровском и Владивостокском — медленнее. Для сравнения, в Сибирском крае удельный вес хозяйств по выделенным критериям был ниже (30 % и 7 %), что условно определяет более низкий уровень расслоения сибирской деревни по сравнению с дальневосточной. Не менее 30,5–40 % дальневосточных хозяйств в лучшем случае обеспечивали только потребности семьи, а 10–15 % — можно отнести к производителям товарной сельхозпродукции¹³.

Социальный состав и использование наемного труда в сельскохозяйственном производстве Дальневосточного края не имеют однозначных определений. По данным обследования 1926 г., 33,3 % крестьянских хозяйств региона не имели сельскохозяйственного инвентаря, 14,7 % — рабочего скота. Весной 1927 г. 3,2 % хозяйств не имели средств производства, 4,3 % имели его стоимостью до 50 р. и 2,4 % — до 100 р. Восемь групп хозяйств со стоимостью средств производства до 500 р. составляли от 3 до 4,1 %, две группы до

¹³ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 25; Статистический справочник СССР. 1927 г. М.: ЦСУ СССР, 1927. С. 80, 82 (подсчит. авт.).

700 р. — 8 %, семь групп до 1 800 р. — от 6,4 % до 3,1 % и семь групп до 4 000 р. и выше — от 2,2 до 0,8 %. Считались пролетарскими 7,6 % хозяйств, полупролетарскими — 13,7 %, мелкими производителями — 71,7 % и мелко-капиталистическими — 7 %¹⁴.

В 1925–1926 гг. 8,3–8,7 % дальневосточных хозяйств арендовали землю, которая составляла 4–4,7 % посевной площади, что было выше общероссийских показателей по удельному весу арендаторов (5,4–7,2 %), но ниже по объему посевной площади (4,1–5,3 %). Обрабатывали своим скотом и инвентарем 50 % дальневосточных хозяйств (в Сибири 57,6 %), наемным скотом и своим инвентарем — 0,8 %, наемным инвентарем и своим скотом — 1,9 %, наемным скотом и инвентарем — 11,2 %, супругой (трудовая кооперация и взаимопомощь) — 19,9 % (в Сибири 17 %) и смешанным способом — 16,2 %¹⁵.

Дальневосточные сельхозпроизводители могли рассчитывать на предоставление орудий труда из 134 пунктов проката, где имелось 1 873 штук инвентаря (4 трактора, 273 уборочные машины, 167 сеялок, 292 веялки, 217 молотилок), который практически не обновлялся, требовал на 35 % капитального и на 40 % текущего ремонта. Весь инвентарь предоставлялся бедняцко-середняцким хозяйствам и коллективам за плату: тракторная пахота за десятину 7–10 р., молотба за пуд — 7–10 р., веялка на день — 1,5 р., но покрывал потребности только на 25 %¹⁶.

Данные о кредитовании коллективных и индивидуальных сельхозпроизводителей дальневосточного региона по социальной принадлежности характери-

¹⁴ Сельское хозяйство СССР 1925–1928 : сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М. : Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1929. С. 26, 85.

¹⁵ Статистический справочник СССР. 1927 г. С.76, 77; Итоги десятилетия советской власти в цифрах 1917–1927. М. : Центр стат. управления СССР, 1927. С. 159 (подсчит. авт.).

¹⁶ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 155, 156.

зуют лишь общую направленность государственной поддержки дальневосточной деревни. При слабом контроле со стороны советско-партийных структур за распределением и эффективностью использования денежных средств 63 % ссуд выделялось коллективным объединениям, незначительная часть (без учета потребностей) — бедняцким и середняцким хозяйствам, крупные долгосрочные кредиты получали и зажиточные сельхозпроизводители, не имевшие на это права¹⁷.

Следует отметить и ежегодный рост использования наемного труда в сельском хозяйстве Дальневосточного края: в 1917 г. официально зарегистрировано 16 482 чел., в 1923 г. — 2 165 чел., 1926 г. — 15 814 чел., в 1927 г. — 21 435 чел., но в регионе были распространены скрытые виды найма (без договоров) под видом отработок и «благотворительности». Если учитывать данный фактор, то в 1925/26 г. по найму были заняты 26,5 тыс. чел., в 1926/27 г. — 35,9 тыс., 1927/28 — 39,4 тыс., 1928/29 г. — 42,2 тыс.¹⁸

Основными причинами батрачества в 1926 гг. являлось отсутствие своего хозяйства — 43,6 %, бедность — 42,5 %, излишек рабочих рук в хозяйстве — 7,2 %, наличие нетрудоспособных — 1,2 %, другие причины — 3,9 %. Большинство наемных работников (78,2 %) были заняты в единоличных хозяйствах: на полевых работах — 71,7 %, пасли скот — 16,3 %, помогали в домашнем хозяйстве — 6,3 % и на других работах — 3,7 %. Необходимо подчеркнуть, что 70,3 % батраков — это жители Дальневосточного края, 2,7 % — из Сибири, 5,1 % — из других регионов, 16,8 % — ближнего зарубежья и 6,1 % — неизвестно. По национальному признаку русские (русскоязычные) составляли 81 %, корейцы — 15,9 %, китайцы — 3 % и туземцы (пред-

¹⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп.1. Д. 103. Л. 110, 111.

¹⁸ Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 59 об.; Дальневосточный край в цифрах: справочник. С. 21.

ставители местных малочисленных народностей) — 0,1 %. Однако, количественные показатели участия иммигрантов в сельскохозяйственном производстве в качестве наемных работников не отражают реальную ситуацию, так как часть из них находилась в регионе нелегально или полулегально. Во Владивостокском и Хабаровском округах среди наемных работников преобладали не имевшие своего хозяйства корейцы, для которых батрачество являлось основным средством жизнеобеспечения¹⁹.

В 1925/26 г. из 239,5 тыс. земледельческих хозяйств Дальневосточного края (без данных по Сахалину и Камчатке) 28,3 % имели дополнительные доходы, из них 19,9 % — заработки вне сельскохозяйственного производства, 7,3 % — в виде заработной платы и 2,5 % — как занятые в кустарной и ремесленной промышленности, на промыслах. Сельские жители, проживающие вблизи железных дорог, промышленных предприятий, приисков, ориентировались на более стабильные доходы в отраслях промышленного производства. В частности, имели дополнительный заработок в Николаевском округе 92,5 % хозяйств, 59,1 % — в Зейском, 49,9 % — Хабаровском, 33,7 % — Читинском и только 13,5 % — Амурском и 23,1 % — Владивостокском. Оплата труда варьировалась, составляя в среднем по краю при годовой занятости 24,5 % деньгами, 3,4 % — натурой, 71,7 % — деньгами и натурой, сезонной — соответственно 40,4 % : 8,0 % : 41,6 %, а вот при помесечной оплате работники получали только 2,3 % в виде довольствия. При перерасчете на денежный эквивалент, в среднем на одно хозяйство по краю приходилось 56–59 р., но в Зейском больше в 4 раза, в Хабаровском — в 1,5 раза²⁰.

Многоукладное аграрное производство определялось дифференциацией производственно-хозяй-

¹⁹ ГАХК. Л. 59 об., 61, 61 об, 62 (подсчит. авт.).

²⁰ Там же. Л. 63, 64, 64 об., 69 (подсчит. авт.).

ственных, жизненно-бытовых условий, традиций и предпочтений дальневосточных аграрных товаропроизводителей. Форма землепользования и размер земельного надела играли большую роль в крестьянском хозяйстве, но почти полное отсутствие технических средств, недостаточная оснащенность не позволяли дальневосточникам обеспечить себя необходимым запасом продовольствия, что обусловило их включение в рыночные отношения в качестве рабочей силы и потребителей.

Предполагалось постепенно заменить единоличное крестьянское землепользование коллективными формами социалистического типа. На Дальнем Востоке их создание началось с объединения 5–10 бедняцких дворов с несколькими гектарами посевов, которые путем слияния и присоединения новых хозяйств оформляются в сельскохозяйственные объединения. По данным Наркомата земледелия РСФСР, в Дальневосточной области на 1 апреля 1926 г. имелось 143 коммун (самый высокий показатель по районам республики), но не увеличилось количество колхозов и товариществ по совместной обработке земли (табл. 3).

Таблица 3

**Коллективные сельскохозяйственные объединения
в административных границах ДВО/ДВК 1925–1928 гг.**

Годы	Объединения					
	Коммуны		Артели		ТОЗ	
	кол-во	чел.	кол-во	чел.	кол-во	чел.
1925	40	н/с	194	н/с	18	н/с
1926	143	н/с	192	н/с	20	н/с
1927	27	1 237	131	6 057	29	1 547
1928	35	1 787	205	11 245	83	5 571

Источники: Статистический справочник СССР 1927 г. М. : ЦСУ СССР, 1927. С. 62; Сельское хозяйство СССР 1925–1928 : сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М. : Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1929. С. 18, 20 (сост. авт.).

Численность и состав коллективных объединений с неопределенной специализацией и целевыми установками на перспективы хозяйственной деятельности не были стабильными. По сведениям дальневосточных статистических структур, к октябрю 1927 г. в Дальневосточном крае имелось 1 092 товариществ, включая 312 — производственных и 186 — по обработке земли, 176 — кредитных, 409 — подсобно-производственных, из них во Владивостокском округе — 36,6 %, Амурском — 29,1 %, Хабаровской — 7,8 %, Сретенском — 7,11 %, Читинском — 15,9 %. Численность членов кооперативов составляла 123,1 тыс. чел., в том числе 77 % (94,3 тыс.) — в кредитных, 12 % (14,9 тыс.) — по обработке земли, 7 % (8,6 тыс.) — подсобно-производственных и 4,2 % (5,3 тыс.) — производственных обществах. В сельскохозяйственных объединениях по экономическим показателям состояло 47 % бедняцких, 40 % середняцких и 13 % зажиточных хозяйств. Их распределение зависело от производственных возможностей по отдельным районам региона. В частности в Амурском округе бедняцкими считались хозяйства с посевом до 3 дес., имеющие лошадь и корову, облагавшиеся до 10 р. сельхозналогом, середняцкими соответственно — до 12 дес. земли, 3 лошади и 2 коровы, до 50 р. налога, а все другие — зажиточные²¹.

Данные объединения, основанные на личной инициативе, являлись по существу союзами для увеличения доходности единоличного хозяйства. Сохранение тенденций их развития предполагало рост аграрного производства, но в советско-партийных структурах дальневосточного региона утвердилось мнение, что «...создание зерновых товариществ — пройденный этап простейшей формы производственной кооперации»²².

В социально-экономическом плане позиция дальневосточных экономистов и работников плановых структур о приоритетном развитии в крае системы

²¹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 109, 109 об, 110, 111 (подсчит. авт.).

²² Там же. Оп. 3. Д. 137. Л. 13.

полеводства или животноводства основывалась на ограниченных возможностях увеличения пахотных земель без значительных капитальных вложений на раскорчевку и мелиорацию. Значительная часть считавшихся пахотными и сенокосными землями была расположена среди заболоченных пространств, что при отсутствии дорог затрудняло применение машин, но решения ВЦИК о разработке дополнений и внесении изменений в статьи Земельного кодекса по определению оптимальных параметров предоставляемых земельных наделов, инвентаря индивидуальным и коллективным пользователям на Дальнем Востоке не были реализованы. Наркомзем РСФСР настаивал на использовании дальневосточного опыта приемов обработки земли, которые «...обеспечат наибольший экономический эффект и доходность»²³.

При определении направлений развития сельского хозяйства в дальневосточном регионе социально-политические структуры учитывали рельеф, климат, состояние почвы и растительности, наличие средств, агротехнические возможности населения и его этнический состав. Планировалось в Амурском и Владивостокском округах увеличить объемы производства зерна, продуктов садоводства и пчеловодства, в Хабаровском и Сре́тенском — технических и зерновых культур, в Читинском и Зейском — развивать мясомолочное и мясошерстное направления, в Николаевском, Сахалинском и Камчатском округах — огородничество, оленеводство и звероводство²⁴.

Государственно-партийные структуры считали, что продовольственную безопасность страны и региона смогут обеспечить индивидуальные производители и сельскохозяйственные объединения. Учитывая

²³ ГАХК. Ф. 353. Оп. 5. Д. 31. Л. 2.

²⁴ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т.3: Районный разрез плана. Изд. 3-е. М. : Плановое хозяйство, 1930. С. 14, 288; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 56.

потребность края в трудовых ресурсах, планировалось к началу 1930-х гг. переселить не менее 1,2 млн чел., из них 625 тыс. — по линии сельскохозяйственного переселения в форме коллективных объединений (с ограничением переселения без семей) в районы зерновых советских хозяйств и машинотракторных станций²⁵.

По данным уполномоченного Всесоюзного переселенческого комитета в 1925–1929 гг. на Дальний Восток прибыло 110,2 тыс. переселенцев, из них осталось 85,5 тыс.²⁶ В сельскохозяйственные районы Амурской области направили 47,2 тыс. чел., из которых закрепились 38,9 тыс., что было недостаточно для освоения земельных пространств, пригодных для возделывания продовольственных культур, потребляемых населением и имеющих экспортное значение (рис, соевые бобы, лен, конопля)²⁷.

Задачу увеличения сельскохозяйственного производства решали экстенсивным путем. С 1926 по 1929 г. в сельской местности Дальневосточного края (в границах середины 1930-х гг.) количество хозяйств увеличилось на 13 % (с 139,7 тыс. до 157,9 тыс.), из них с 137,8 тыс. до 147,4 тыс. — единоличных сельхозпроизводителей, рабочих и служащих, с 1,9 тыс. до 10,4 тыс. — колхозников²⁸. Посевные площади сельскохозяйственных культур достигли уровня 1917 г., увеличились посевы пшеницы и овса для удовлетворения потребностей силовых структур, риса и масличных культур — на экспорт, картофеля, овощей и бахчевых — для личного потребления. Рожь занимала больший удельный вес в малопосевных, пшеница — в многопосевных хозяйствах. Урожайность сельскохозяйственных культур была ниже не только запланированных показателей, но и начала 1920-х гг. (табл. 4).

²⁵ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 78. Л. 170.

²⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1546. Л. 76 (подсчит. авт.).

²⁷ Там же. Ф. 353. Оп. 3. Д. 137. Л. 22 (подсчит. авт.).

²⁸ Там же. Ф. 719. Оп. 28. Д. 953. Л. 12 (подсчит. авт.).

Таблица 4

**Посевные площади сельскохозяйственных культур по всем категориям хозяйств
в административных границах ДВК 1930-х гг., тыс. га**

Годы	Итого посевов	Зерновые					Технические			Прочие		
		в том числе					в том числе			в том числе		
		пшеница	овес	просо, чумиза, пайза	рис	всего	соя	подсолнечник	всего	картофель	бахчевые	овощи
1913	702,3	н/с	н/с	н/с	н/с	16,4	н/с	н/с	26,7	н/с	н/с	н/с
1917	897,7	396,1	325,0	19,0	0,1	34,6	9,3	5,7	49,7	24,1	3,0	9,3
1923	611,5	226,2	198,3	16,2	4,4	28,4	6,8	4,3	33,0	19,3	1,4	4,4
1924	614,0	158,2	191,7	22,4	6,2	40,6	9,0	8,9	40,5	24,9	2,2	6,6
1925	638,3	162,3	160,2	30,0	8,8	53,3	18,6	12,8	44,8	27,2	2,8	6,6
1926	719,0	190,6	167,1	43,8	11,8	51,6	25,2	11,1	54,6	23,2	2,9	14,3
1927	871,0	272,7	215,7	45,3	17,7	49,5	23,9	9,5	72,3	28,5	2,2	15,4
1928	955,9	574,8	401,7	38,6	18,5	51,3	22,4	11,3	68,9	28,1	2,3	12,6
1929	896,9	458,6	366,2	38,5	22,6	74,9	34,2	15,5	63,2	29,7	1,6	9,4

Источник: ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 67. Л. 20, 21; Ф. 719. Оп. 28. Д. 953. Л. 12, 13 (сост. авт.).

Районными, окружными, краевыми организациями агросистемы обслуживались, в первую очередь, коллективные объединения, переселенческими управлениями — переселенцы. Крестьяне применяли более совершенные орудия труда при обработке и сборе культур, но краевое земельное управление не имело сведений об обеспеченности сельхозмашинами дальневосточных хозяйств, констатируя, что 1926/27 г. в Амурском округе было продано на льготных условиях кредитования 15,6 % сельхозинвентаря единоличникам, 49,8 % — середнякам и 34,6 % — зажиточным. Несмотря на высокий спрос, запросы товаропроизводителей не выполнялись не только поставщиками союзных объединений, но и заводами «Дальсельмаш» в Хабаровске и «Амурский металлист» в Благовещенске. Капиталоемкость сельскохозяйственного инвентаря снизилась, составляя на десятину посева в 1926 г. 23 р. против 32 р. в 1922 г., к началу 1928 г. возросла до 41,5 р., что объясняется не только его количественными изменениями, но и выработкой ресурса. Основные объемы поставок почвообрабатывающих, очистительных и сортировочных машин и орудий в дальневосточный регион осуществлялись в досоветский период. Следует отметить, что в Дальневосточный край в 1925–1927 гг. было завезено 329 тракторов, включая машины марки «Фордзон» 281 ед., «Клатрек» — 29 ед., «Интернационал» — 10 ед., из которых частным хозяйствам предоставили только 7 %²⁹.

Сравнивая показатели наличия скота по всем категориям хозяйств дальневосточного региона, следует отметить уменьшение лошадей рабочего возраста и волов, колебание численности коров и свиней, мелкого скота (табл. 5). Количество лошадей и крупного рогатого скота увеличивалось в многопосевных хозяйствах и оставалось практически на одном уровне в малопосевных, что свидетельствует о неустойчивости

²⁹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 151–157.

развития сельскохозяйственной производственной структуры индивидуальных и коллективных хозяйств. Спрос на высокопородный скот не удовлетворялся из-за отсутствия в крае племенных совхозов.

Таблица 5

**Численность скота по всем категориям хозяйств
в административных границах ДВК (включая Север)
1930-х гг., тыс. голов**

Годы	Лошади, в том числе		Крупный рогатый скот, в том числе				Сви- ньи	Козы	Овцы
	все- го	стар- ше трех лет	все- го	ко- ро- вы	быки	волы			
1917	290,7	220,3	370,2	151,1	1,0	22,4	338,4	8,1	31,6
1923	301,6	216,9	404,5	180,3	4,9	21,7	208,2	14,0	94,4
1924	307,1	313,9	416,6	178,4	8,5	13,3	218,3	14,2	117,7
1925	314,3	220,7	427,5	178,6	11,1	12,6	278,4	17,7	168,6
1926	327,9	229,6	427,5	178,6	8,3	12,6	318,9	21,3	211,0
1927	331,4	237,5	475,9	190,6	14,3	12,5	372,3	18,7	220,9
1928	351,6	247,9	514,5	205,7	15,0	15,0	422,8	16,4	269,7
1929	336,4	242,7	430,2	175,8	12,5	14,1	318,8	8,5	224,0

Источник: ГАХК. Ф. 719. Оп. 28. Д. 953. Л. 14, 15; Ф. 353. Оп. 1. Д. 67. Л. 23, 24 (сост. авт.).

Основой государственного финансово-кредитного регулирования аграрного производства на союзном, республиканском и краевом, областном, районном уровнях являлась налоговая система. Налоги по форме платежа подразделялись на денежные и натуральные, по субъектам обложения — коллективные, похозяйственные и подушные. Помимо этого существовали другие натуральные и денежные сборы [7, с. 160].

Постановлениями СНК и ЦИК принимались нормативные акты о едином сельхозналоге и инструкции его применения, постановления местных органов власти уточняли параметры налогообложения сельхозпроизводителей в рамках предоставленных ком-

петенций. Декрет СНК РСФСР от 21 апреля 1921 г. устанавливал порядок исчисления и взимания по прогрессивной шкале натурального налога на основные сельскохозяйственные культуры в зависимости от наличия пахотных земель и скота в хозяйстве, количества едоков в семье и урожайности культур в конкретные сроки (устанавливались по регионам) с учетом вычета необлагаемого минимума³⁰.

В положении о сельскохозяйственном налоге от 20 февраля 1929 г. сумма определялась с учетом доходов крестьянского двора или на едоков уже из всех источников (включая и неземледельческие заработки) с дифференциацией местными органами власти по административно-территориальным районам по посеву или по пашне. При этом кулацким хозяйствам налог исчислялся по действительному, а не по нормативному доходу (не более 75 % данной суммы), для мощных хозяйств устанавливалась надбавка 5–10 % оплаты. Для товариществ по совместной обработке земли налоги уменьшались на 20 %, для сельскохозяйственных артелей — на 40 %, коммун — 60 %, устанавливались льготы для военнослужащих, пенсионеров и сирот, опекунов, переселенцев, иммигрантов и реэмигрантов, пострадавших от стихийных бедствий, а также некоторым сельхозпроизводителям занимающимся селекцией культур и скота. За просрочку платежа плательщикам начислялась пеня в размере 0,2 % за день, за сокрытие дохода они привлекались к административной или судебной ответственности³¹.

Неустойчивость цен на сельскохозяйственную продукцию влияла на материально-техническое обеспечение сельхозпроизводителей, земельная и налоговая политика стали основными рычагами институци-

³⁰ Декреты Советской власти. Т. XIV: Апрель 1921 г. М. : Археографический центр, 1997. С. 113–116.

³¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1929 г. № 1-39. Отд. первый. М., б. г. С. 230, 238, 239, 244, 246, 251, 254.

онального воздействия на дальневосточную деревню. По предварительным данным, в 1924/25–1926/27 гг. валовая масса основной сельскохозяйственной продукции на Дальнем Востоке составила 159,9 млн золотых р., товарная — 83,3 млн, в том числе 29 % валовой продукции животноводства, 12,9 % — зерновых и 21 % — технических культур, 68,9 % — риса, 17,3 % — картофеля и овощей, 5,2 % — сена, что на 2–4 % ниже общероссийских показателей по всем видам³².

Средняя доходность дальневосточной деревни ежегодно увеличивалась, составив за 1925–1928 гг. 407,4 тыс. р. (в ценах 1926/27 г.), из них 55 % — за счет реализации продукции, 37 % — неземледельческих заработков, 7 % — кредитов и 1 % — страховых платежей. Основной статьей расходов оставались возрастающие платежи по сельхозналогу — 45 %, погашение кредита — 43 % и прочие платежи — 7 %, госзаймы — 1 %. В то же время от сельхозналога было освобождено в 1924/25 г. 6,9 % хозяйств, в 1925/26 г. — 28,8 %, 1925/26 г. — 26 %, в 1926/27 г. — 37 % и 1927/28 г. — 41,7 %³³.

Центральные и местные органы власти не имели представления об экономических возможностях и потребностях не только отдельных административных районов, но и Дальневосточного края. В докладных записках неизменно отмечалось, что посевные площади, валовые и товарные сборы продукции основных сельскохозяйственных культур исчислялись предварительно без учета природно-климатических условий. По расчетам, валовые сборы зерновых и масличных культур в ДВК увеличились в два раза с 23 970,9 тыс. в 1924/25 г. до 51 547,7 тыс. пуд. в 1927/28 г., объемы заготовок — в три раза (с 5 636,6 тыс. до 15 159,1 тыс. пуд.), составляя 23–29 %

³² ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 71; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. С. 221, 428, 429 (подсчит. авт.).

³³ Там же. Л. 100. Дальневосточный край в цифрах : справочник. С. 25 (подсчит. авт.).

валовых сборов с ежегодным перевыполнением плановых показателей на 11–14 % [8, с. 104].

Даже скорректированные планы сдачи продукции вдвое превышали возможности их выполнения индивидуальными и коллективными сельхозпроизводителями. В частности, во Владивостокском округе государственное задание по продовольственным культурам всех секторов 1928/29 г. составляло 2,5 ц с га (по СССР — 1 ц), кормовым — 2,7 ц, крупяным — 1,9 ц, при том, что посевов на одно хозяйство (значит и на едока) было почти на 30% меньше, а урожайность ниже средней по стране. Задания для колхозов и объединений изначально были увеличены: 5,4 ц с га по продовольственным, 7,4 ц — кормовым и 2,4 ц — крупяным культурам. По техническим культурам с высокой товарностью производства необходимо было сдать 102 % валовой продукции риса и 88,2 % — маслосеменных (по отдельным районам 200–300 %). В итоге колхозы и сельскохозяйственные объединения округа выполнили план по продовольственным культурам на 117,3 % (по 6,4 ц с га), кормовым на 90 % (8,9 ц), крупяным — 148,6 % (3,5 ц), фуражным — 120,8 % и маслосеменным — 78%³⁴.

Естественнoисторические условия земледелия ограничивали возможности товарного производства сельскохозяйственной продукции на восточных окраинах России, неразвитая транспортная инфраструктура — обеспечить поставки из центральных районов страны в условиях хлебозаготовительного кризиса. Снижение объемов товарной продукции у многопосевных и высокотоварных групп крестьян Амурской области привело к дефициту 327 тыс. ц продовольственных и 355 тыс. ц кормовых культур, предназначенных для снабжения населения Дальневосточного края³⁵.

³⁴ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 112. Л. 2, 3, 6, 7 (подсчит. авт.).

³⁵ Там же. Л. 16, 17.

План мясозаготовок в ДВК определялся на основе приблизительных оценок потребностей в снабжении населения Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Читы, Сретенска, промышленных районов и воинских частей. По балансу на 1925–1927 гг. потребность в мясе составляла ежегодно 1,5 млн пуд., из них 58 % должны поставлять местные товаропроизводители (70 % Читинский и Сретенский, 16 % — Владивостокский и Хабаровский, 14 % — Амурский и Зейский округа) и 42 % — восполнять импортные поставки. За этот период было заготовлено 2,57 млн пуд., в том числе 545 тыс. — завезено из Монголии, 1,47 млн — поставили частники и 550 тыс. — обобщественный сектор, составляя не более 55 % плановых заданий³⁶.

Это объяснялось не только ценовой политикой и сбоями в организации заготовок, отсутствием приемных пунктов, мест хранения и перерабатывающих предприятий на Дальнем Востоке, но и уровнем развития животноводческого направления. Так, если руководствоваться расчетами специалистов-аграриев 1920-х гг. определивших норму отхода за год (без учета падежа взрослых животных и отбраковки молодняка) 50 % поголовья свиней, 35 % — овец, 10 % — коров, 6,7 % — волов, быков со средним весом и их наличием в регионе, то дальневосточные сельхозпроизводители не могли обеспечить население, воинские контингенты мясoproдуктами³⁷.

Роль частных предпринимателей в обеспечении продовольствием дальневосточников была значительной, но отсутствие сельскохозяйственного сырья сдерживало развитие местной промышленности. Перерабатывали его приблизительно 86 заведений, из них 69,7 % объемов — на 37 государственных мукомольных предприятиях, 8,6 % — на 14 кооперативных и 21,7 % — на 35 частных маслобойных, пивова-

³⁶ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 66, 66 об., 69 об. (подсчит. авт.).

³⁷ Там же. Оп. 5. Д. 31. Л. 31.

ренных, кожевенных и прочих заведениях³⁸. Уровень розничных цен в ДВК систематически повышался, но наиболее резкое повышение произошло в 1928–1929 г. на продовольственные товары (хлеб — на 65,1 %, овощи — на 124,6 %, молочные — 67,7 %, растительное масло — 47 %, мясо — 25,1 %, рыбу — 14,3 %). Цены на промышленные товары зависели от государственной тарифной политики и были выше общесоюзных на текстиль и суконные ткани на 13–13,5 %, хлопчатобумажные — 9 %, значительно понижая жизненный уровень дальневосточников, когда не менее 30 % дальневосточного сельского населения находилось на продовольственном снабжении³⁹.

Таким образом, в 1920-х гг. на восточных окраинах СССР формируется многоотраслевая территориально-производственная структура с учетом краткосрочных и долгосрочных прогнозов трансформации советского общества. Основные направления модернизации аграрного сектора определялись на основе анализа возможностей многоукладной социально-экономической системы в рамках переселенческой политики, подготовки земельных фондов (землеустройство, мелиорация), технического перевооружения, развития агросети и опытно-исследовательского направления при приоритете национальных интересов. Использование природно-ресурсного потенциала осуществлялось с использованием частной и государственной собственности на средства производства. Задача решалась административно-командными методами регулирования производственных процессов, используя не только политику налогообложения, финансирования и кредитования, но и ограничения собственности земледельцев по социально-политическим критериям.

Отсутствие обоснованных направлений модернизации аграрного сектора в соответствии с затратами на

³⁸ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 34. Л. 46 об.

³⁹ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 72, 73.

производство сельскохозяйственной продукции при многообразии форм земельных отношений и платежеспособности населения определили низкий уровень обеспечения продовольственной безопасности дальневосточного региона. Советско-партийные структуры отмечали, что возможности частных производителей ограничены и следует использовать преимущества советской системы для создания крупного социалистического земледелия, усилить работу по обобществлению производственных процессов мелких производителей и содействовать их переходу в артели, коммуны. Реконструкция аграрного сектора стала рассматриваться не только в контексте рационально-построенного, планомерно-развивающегося сотрудничества и специализации экономических районов СССР, но и политико-стратегической составляющей создания государственных структур хозяйствования.

Список использованной литературы

1. История Дальнего Востока России / под общ. ред. В.Л. Ларина. — Владивосток : Дальнаука, 2018. — Т. 3, кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922–начало 1941 года. — 656 с.
2. Лыкова Е.А. Земельная политика советского государства на Дальнем Востоке, октябрь 1917 - 1929 : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.А. Лыкова. — Владивосток, 1981. — 219 с.
3. Лыкова Е.А. Деревня российского Дальнего Востока в 20-30-е годы XX века : коллективизация и ее последствия / Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина. — Владивосток : Дальнаука, 2004. — 188 с. — EDN OXUNGA.
4. Стасюкевич С.М. Социально-экономическое развитие амурской доколхозной деревни (1922-1929 гг.): дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / С.М. Стасюкевич. — Владивосток, 1995. — 264 с.
5. Лыкова Е.А. Землеустройство в дальневосточной деревне (1923— 1926 гг.) / Е.А. Лыкова // Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX - XX вв. — Владивосток, 1979. — С. 84 — 90.
6. Брянский А.М. Экономическое расслоение Дальневосточной деревни : [к 7-й Дальневосточной конференции Р.К.П.] / А.М. Брянский. — Хабаровск : Дальне-вост. обл. стат. упр., 1925. — 61 с.

7. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / В.А. Ильиных. — Новосибирск : Изд-во СО РАСХН, 2004. — 167 с. — EDN QQFJLR.

8. Стасюкевич С.М. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. на Дальнем Востоке / С.М. Стасюкевич. — EDN VWHVJJ // Российская история. — 2016. — № 1. — С. 98–115.

References

1. Larin V.I. (ed.). *History of the Russian Far East*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2018. Vol. 3, bk. 2. 656 p.

2. Lykova E.A. 9. *Land Policy of the Soviet State in the Far East, October 1917–1929*. Cand. Diss. Vladivostok, 1981. 219 p.

3. Lykova E.A., Proskurina L.I. *The Russian far Eastern Village in the 20-30-s of the 20th Century*. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2004. 188 p. EDN: OXUHGA.

4. Stasyukevich S.M. *Socio-Economic Development of the Amur Pre-Kolkhoz Village (1922–1929)*. Cand. Diss. Vladivostok, 1995. 264 p.

5. Lykova E.A. Land Management in the Far Eastern Village (1923–1926). In *Peasantry of the Soviet Far East in the 19th–20th Centuries*. Vladivostok, 1979, pp. 84–90. (In Russian).

6. Bryanskii A.M. *Economic Stratification of the Far Eastern Village*. Khabarovsk, 1925. 61 p.

7. Ilyinykh V.A. *Taxation of the Siberian Village. Late 1920s – early 1950s*. Novosibirsk, SO RAASKhN Publ., 2004. 167 p. EDN: QQFJLR.

8. Stasyukevich S.M. Grain Procurement Campaign of the 1920s in the Far East. *Rossiiskaya istoriya = History of Russia*, 2016, no. 1, pp. 98–115. (In Russian). EDN: VWHVJJ.

Информация об авторе

Ткачева Галина Анатольевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории Дальнего Востока России, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: tkacheva.ga@bk.ru. <https://orcid.org/0000-0002-1231-503X>; SPIN-код: 1982-5184; AuthorID РИНЦ: 493030.

Author

Galina A. Tkacheva — D.Sc. in History, Leading Researcher, Department of History of the Russian Far East, Science Institute

of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: tkacheva.ga@bk.ru. <https://orcid.org/0000-0002-1231-503X>; SPIN-Code: 1982-5184; AuthorID RSCI: 493030.

Для цитирования

Ткачева Г.А. Мобилизационная модель аграрной политики на Дальнем Востоке СССР в 1920-е гг. / Г.А. Ткачева. — DOI 10.17150/2308-2488.2025.26(1).94-122. — EDN TNRZA // Историко-экономические исследования. — 2025. — Т. 26, № 1. — С. 94–122.

For Citation

Tkacheva G.A. The Mobilization Model of Agrarian Policy in the Soviet Far East in the 1920s. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2025, vol. 26, no. 1, pp. 94–122. (In Russian). EDN: TNRZA. DOI: 10.17150/2308-2488.2025.26(1).94-122.